

роман

Сергей
Тепляков

флешка

2012

Сергей Александрович Тепляков

Флешка

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826745
Флешка: Алтай; Москва; 2012*

Аннотация

Декабрь 2011 года, Россия, митинги протеста против фальсификаций на выборах в Госдуму, революционная ситуация. Простые люди не хотят жить по-старому, а верхи не могут понять, как же им руководить по-новому, да еще и не могут разобраться между собой – кто с кем, кто за за кого? У Шуркова, одного из тех, кто руководит Россией, вся надежда на чудо. Он отправляет верных людей на поиски некоего носителя информации, флешки, с помощью которой он надеется изменить ситуацию. Так сама жизнь заплетает тугой клубок, перемалывая кости, характеры и судьбы самых разных, часто не знающих друг о друге, людей, больших и маленьких, сильных и слабых, героев и подлецов...

Содержание

От автора	4
Часть первая	5
1	5
2	13
3	23
4	27
5	41
6	48
7	53
8	66
9	72
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Александрович Тепляков Флешка

От автора

В основу этой истории положены документальные свидетельства о сверхсекретной спецоперации, прошедшей в дни недавних декабрьских митингов в России. Собственно, поэтому редкие факты, которые могли дать пищу для размышлений, остались незамечены большинством россиян. Подробный отчет об этой операции вряд ли когда-то будет рассекречен. Вполне вероятно, что эта книга будет первым и последним отчетом об операции «Флешка».

Часть первая

1

– Ну что, Михалыч, тушенка не сходится. Куда-то подевались две коробки... А то и три... – сказал Филипп Третьяков кладовщику, тучному мужику в годах, с усами подковой. – Признавайся, на закуску извел?

– Да как можно, Филя?.. – развел руками кладовщик («Филя» было сказано с умыслом – и чтобы градус официальности сбить, и чтобы напомнить, что тушенку, если и извел Михалыч, так не на себя же одного – Филипп это отлично понимал). – Ты же меня знаешь, сколько работаю – а недостача первый раз.

Михалыч лукавил – недостача у него была всегда, по мелочи, но была. И всегда выходило, что недостающий товар потом откуда-то выплывал – может, Михалыч по своей армейской привычке (он в армии был старшиной), как белка, прятал продукты в разные места, забывал, а потом находил, а то ли просто, раз уж попался, покупал для возмещения ущерба продукты на стороне.

Оба они работали в фирме, продававшей оптом продукты питания – растворимый кофе в банках, тушенку, разные консервы, макароны и еще много чего. Фирма располагалась

за задворках города и состояла из небольшого «офиса» и огромных складов. В складах и летом было прохладно, а сейчас к тому же была зима. Филипп, хоть и набросил, идя на склад, свой желтый пуховик, но чувствовал, что озяб, торопился закончить проверку – на долгое воспитание Михалыча не было ни времени, ни желания.

– Два дня тебе на то, чтобы все пересчитать и найти пропавшее! – со значением, надавив на слова «найти» и «пропавшее», сказал Филипп. Михалыч тягостно вздохнул. Филипп, впрочем, предполагал, что это игра. «Наверняка ведь тырит не по-детски... – подумал Филипп. – А два этих ящика тушенки он мне специально подкинул, чтобы я успокоился и дальше не искал». Он и правда не собирался дальше искать. Общим мнением руководства фирмы было, что Михалыч хоть меру знает, а возьми вместо него другого – продаст на сторону не только продукты, но и все, что отрывается от пола.

Филипп пошел по складу, по бетонному полу, мимо мешков, ящиков, коробок, банок, мимо разлегшихся прямо на мешках с мукой грузчиков. Он открыл дверь и попал в офис. Склад у них в фирме назывался Сохо, а офис – Сити. Перепад и правда был сильный: офис был весь в пластике, с кожаными креслами, плоскими экранами компьютеров, прямо бизнес-центр.

– Ну что там? – спросил Филиппа Костя Варфоломеев, его сосед по небольшому кабинету, с длинными руками и

коротко стриженной бугристой головой.

– Да как всегда. Михалыч куда-то дел два ящика тушенки... – усмехнулся Филипп.

– Ну это еще по-божески... – засмеялся Костя и его сумрачные глаза блеснули.

– Я ему дал на возмещение два дня. Ты бы видел его лицо... – сказал Филипп, вешая пуховик на вешалку, усаживаясь в свое кресло и дотягиваясь до чайника.

– Каменев тебе звонил... – сказал Костя.

– Который из них? – спросил Филипп. Каменевых было двое, Андрей и Семен, они держали небольшой магазинчик морепродуктов, и, хотя предполагалось, что магазинчик элитный, не чурались подкупать что-то в этой оптовке.

– Я по голосу не разобрал... – ответил Костя, внимательно глядя в экран компьютера.

– Что ты там так изучаешь? – спросил Филипп.

– Да ты посмотри – какая! – хмыкнул Костя. Филипп обошел стол и глянул, так и есть – Костя исследовал порносайты.

– Влетит тебе... – сказал Филипп.

– Да ну... – мотнул ответил Костя и глаза его снова блеснули. – В конце концов, должно же от нашей работы быть хоть какое-то удовлетворение.

Слово «удовлетворение» он выделил особо.

– Да уж... – усмехнулся Филипп, возвращаясь к себе. В душе он не понимал интереса Кости к таким сайтам и иногда думал, не сексуальный ли маньяк его сосед. Впрочем, ду-

мал *так*, не всерьез. К тому же, он знал, от чего коллега проводит рабочее время в компьютерных эротических путешествиях: не так давно Костя совершил небольшой трудовой подвиг (продал вагон кильки в томате, на которую спрос зимой обычно невелик). Костя предполагал, что за кильку ему светит премия, однако не получил ничего. Тогда он на начальство обиделся и в знак протеста на работу до поры-до времени «забил». Правда, начальство об этой акции протеста и не догадывалось.

Варфоломеев был в общем-то человек как человек, однако имел одну страсть, о которой в фирме знал только Филипп – замечал все за всеми. Сопоставляя разные, вроде бы крайне мелкие, детали он узнавал о человеке самые разные, порой крайне интимные, вещи. То и дело Филипп удивлялся тому, как много Варфоломеев знает о каждом из них и с тревогой думал, что же такое Варфоломеев знает о нем.

При этом, Костя, догадывался Филипп, имел виды на его сестру, Марьяну. С сестрой все было сложно: когда она родилась, Филиппу было уже четырнадцать лет и так вышло (отчим жил на отшибе, а матери надо было на работу), что почти все заботы о ней легли на его плечи. Первым словом ее было что-то вроде «Филя», но Филипп никому, чтобы не обидеть, об этом не напоминал. Впрочем, теперь особо и напоминать было некому – мать два года как померла, а отчим совсем заотшельничался, жил какими-то своими заботами, в которых дочери все не находилось места. Филипп давно

понял, что сестра где-то внутри, подсознательно, считает отцом его – именно потому, что он когда-то менял ей пеленки и укачивал по ночам. Это «отцовство» его изрядно утомило, но, говорил он себе, деваться-то некуда.

Сестра жила в квартире матери одна, жила кое-как. В школьные годы взрослая жизнь так увлекла ее, что она не окончила даже девяти классов. Мать, уже зная, чем болеет и понимая, что помрет, устроила ее на курсы парикмахеров – хотела, чтобы было у дочери в руках ремесло. Но сразу места в парикмахерских не нашлось, а после смерти матери Марьяна махнула на парикмахерство рукой – устраивалась время от времени продавцом в магазинчики. Зарплаты ей хватало лишь на еду – за ее квартиру приходилось платить Филиппу, от чего с женой Маргаритой у него время от времени были скандалы. От нечистых – совесть у нее все-таки была – звонков сестры Филипп вздрагивал: ничего хорошего ее звонки ему не обещали, то долги коммунальные, а то и в милицию по пьянке попадала Марьяна, бывало с ней и такое – район пролетарский, привычки соответственные. Немудрено, что он давно мечтал ее «пристроить» или «сплавить» (термины зависели от настроения). Он иногда ловил себя на мысли, что смотрит на Варфоломеева оценивающе, как отец невесты на сватовстве – потянет ли этот женишок? Это было и смешно, и не смешно.

Филипп набрал номер магазина Каменевых, и спросил Семена, младшего, который, однако, всем в каменевском биз-

несе заправлял.

– Филя! – закричал в трубку Семен. – Ты где ходишь?

– Ну... – ответил Филипп. – По складам, по цехам...

– По каким цехам? Ты мне-то вашу просроченную лапшу на уши не вешай! – закричал Семен (он всегда кричал) и захохотал. Филипп поморщился – даже в пустячном разговоре Каменеву обязательно надо было дать собеседнику словесный щелбан. Филипп давно, почти с самого начала знакомства (они с Каменевым учились вместе с первого класса) знал про эту особенность Каменева и хоть числились они товарищами, почти друзьями, сам его товарищем считал с большой натяжкой. Общение с Каменевым всегда было тягостным упражнением для самолюбия Филиппа. Когда Семена унесло волнами взрослой жизни из их городка – вслед за старшим братом Андреем он поступил в военное училище – Филипп узнал об этом с некоторым облегчением. Но потом, ближе к концу 90-х, оба Каменева вернулись в родной город – говорили, что навоевались в Чечне до изжоги. (К тому же и война зачлась им день за три – так что оба теперь были военные пенсионеры).

– Ты чего хотел, говори, Семен, а то мне некогда... – проговорил Филипп нетерпеливо.

– О, дела у него! – воскликнул Семен.

– А поговорить со старым школьным товарищем времени нет! Вот ты всегда такой – ходишь, ото всех морду воротишь! Хоть и со смешком говорил это Каменев, однако было

обидно. Но Филипп подумал – надо перетерпеть – и промолчал. Да и у Семена, видать, имелись дела – монолог его был нынче краток. Пояснив, что их магазину нужны кое-какие рыбные деликатесы («ну или что у вас там называется деликатесами?» – не удержался Каменев), Семен сделал заказ и распрощался, предварительно, правда, напомнив, что послезавтра, в воскресенье – футбол.

– Не забыл? Не сачканешь?! – подначивал Каменев. – А то мы ведь такой командой собираемся, что надерем вам задницы и в переносном, и в прямом смысле!

Зимой по воскресеньям, когда получалось, они играли в мини-футбол четыре на четыре. Команду Каменевых Филипп знал – они всегда играли вместе с братьями Алферовыми. Алферовы, Яков и Матвей, были моложе почти всех в компании (первому тридцать, второму – тридцать два), однако ни Филипп, ни кто другой не удивлялись тому, что Каменевы их привечают: Алферовы работали в налоговом управлении, Каменевы ходили к ним со своими декларациями (а также с коньяком и икрой), через это и познакомились, и подружились. Впрочем, насчет дружбы у всех, в том числе и Каменевых, были сомнения: сами Каменевы со смехом называли свои взаимоотношения с Алферовыми «стокгольмским синдромом» – когда заложники начинают питать симпатию к террористам. Алферовы, видать, догадывались об этом и «снисходили» до общения с остальными – особенно старший, Матвей.

В команду к Филиппу Каменевы сплавливали своего сродного брата Льва Фадеева (отец Каменевых ушел из семьи и Фадеев был его сыном от другой женщины), а также Игоря Фомина, партнера по бизнесу, возившего к ним в магазин красную икру. Икра обходилась так дешево, что все считали Фомина контрабандистом и вообще непростой личностью. Фомин был одного возраста с Филиппом и Семеном, но казался старше из-за скрытности характера, наложившей отпечаток и на внешность: цепкие глаза, плотно сжатые губы, разжимавшиеся лишь иногда, в основном для какого-нибудь скептического едкого замечания.

Потаенный смысл выражения «надерем задницы» состоял в том, что игра велась «на распин жопы»: – проигравшая команда выстраивалась вдоль забора, отставив зады, по которым победители с хохотом били с одиннадцати метров «пенальти». Это было мало того, что унижительно, но еще и больно – Каменевы (а выигрывали почти всегда они) били от души, не жалея сил, как по бетонной стене, и почти всегда попадали. От этого Филипп и правда время от времени от субботних матчей уклонялся.

Положив трубку, Филипп заварил себе чаю и откинулся в кресле. В стеклянной стене напротив он видел себя – блондинчик с простыми неброскими мелкими чертами лица. Глядя в стекло, он попробовал взбить чубчик, но это ничего не поменяло. Он вздохнул – уж слишком напоминал себе манекен, а манекены напоминали ему себя. Манекены, как известно, имеют внешность «в общем». Вот такую же «в общем», типовую, внешность, без характерных черт – разве что почти сросшиеся брови и небольшой пухлогубый рот – имел и Филипп. Знакомые нередко говорили ему – мы тебя видели, махали тебе, а ты не оглянулся. Филипп понимал, что видели они не его, перепутали с кем-то, но даже не обижался, привык. Отдельным горем – ну, может, не горем, а так, расстройством – был рост, ниже среднего, так, что он всем был по плечо.

Из-за роста он, когда был помоложе, иногда грустил, хотя и говорил себе, что есть огромное количество девушек, вполне подходящих ему по росту. Однако то ли в росте все же была проблема, то ли еще в чем, но Филипп был с юности робок с девушками. Вполне ожидаемо ему не сильно с ними везло. Сначала он комплексовал, а потом решил, что не больно-то и надо. Мать, заметив что-то, сказала ему однажды: «Если ты из-за девушек, то не грусти. Все наладит-

ся». Он тогда удивился – как она поняла? Но ответил, что с девушками у него все хорошо.

Потом, в двадцать восемь, он женился, и с виду все и правда было хорошо. Маргариту он увидел на показе мод – она ходила по подиуму, сильная, длинноногая, красивая, с густыми шикарными волосами. Он подошел к ней словно замороженный. Для Филиппа с его воспитанием девушка из модельного агентства была почти девушка из эскорта, но он – может, именно поэтому – вдруг познакомился с ней. Она была еще и выше него, даже без каблуков – это выяснилось довольно скоро, так скоро, что он долго удивлялся, но потом удивляться перестал: понял, что Маргарита сделала на него ставку. Он в то время уже имел неплохую работу, ездил на своей машине, что среди его сверстников было нечасто. Когда в первый вечер он предложил ее подвезти и она в первый раз села на переднее сиденье его машины, его поразило выражение ее лица. Он уже потом, намного позже, через несколько месяцев или даже лет, понял это выражение – она уже знала, что все это будет ее! Они поехали в кафе, а потом он, осмелев, предложил ей заехать к нему. Он был готов к отказу, но она согласилась (потом он тоже понял – она хотела посмотреть весь *товар* сразу). У него и квартира уже была – правда, тогда еще не своя, съемная, но с теплым полом, зеркалом во всю стену, большой ванной – с первого взгляда на квартиру было ясно, что ее хозяин при деньгах. Наверняка Маргарита видела квартиры и получше, но, думал теперь

Филипп, с теми хозяевами у нее что-то не срослось, а возраст – двадцать шесть – поджимал. Поэтому тут она решила не терять времени.

Утром как-то так вышло, что она не ушла. Они провели вместе весь день и он понял, что она намерена остаться и на вторую ночь. Он был не прочь – это было воскресенье. В понедельник утром он довез ее до работы и она сказала: «Ты во сколько заедешь за мной?» – то есть, вопрос, заедет ли вообще, не обсуждался, это разумелось само собой. У него не хватило духу сказать ей, что в общем-то он и не собирался за ней заезжать. Да к тому же она была так шикарна, что грех было жаловаться. Он приехал за ней в этот вечер, потом – в другой. Потом он увидел у себя в ванной комнате разные ее женские штучки. Потом она сказала, что надо поехать в обувной – купить ей что-нибудь не на шпильках. Он понял, что это ради него, это его тронуло.

Матери Маргарита не нравилась. «Уж слишком красивая...» – говорила она. Теперь Филипп понимал, что у матери к невестке была не только эта претензия, но тогда расспросить ее не догадался – объяснил это материнской ревностью, посмеялся. Он к тому времени был влюблен в Маргариту по уши. Ее красота льстила ему – ему нравилось, как столбенеют, увидев ее, мужики, и как перекашиваются лица женщин. К тому же, он очень быстро к ней привык. В ней было немало хорошего – она была упорная, редко жаловалась на усталость. Было, правда, много такого, что он не лю-

бил. Прежде всего, она видела его насквозь.

К тому же, имея диплом юрфака и какие-то связи, она сдала адвокатский экзамен и быстро пошла в гору. Клиенты у нее были богатые, дела запутанные, иски многомиллионные, гонорары многотысячные.

На ее корпоративы или в гости к ее клиентам ходить было ему не по душе – там была совсем другая жизнь, слишком много брильянтов. Ему даже говорить, что он работает в продуктовой оптовке было неудобно – словно приказчиком в лавке. Чтобы соответствовать, он залез в разные долги, набрал кредитов, болезненно напоминавших о себе эсэмэсками и звонками о просрочках платежей.

Скоро вышло, что Филипп оказался при жене. У нее постоянно позвякивал телефон, она с кем-то разговаривала и уезжала куда-то по вечерам. Поначалу Филипп задавал вопросы, но она отвечала на них «Я свободная женщина!», глядя ему в глаза с некоторым насмешливым вызовом, будто подначивая: ну, спроси у меня еще что-нибудь, ты же хочешь. Филипп боялся спросить – ведь ответит, и в конце концов перестал задавать вопросы: лег спать, не дожидаясь ее, один.

Хорошо, что были дети – две дочери, Татьяна семи лет и пятилетняя Анна. И Маргарита, и Филипп очень любили девочек. Но, Филипп замечал, дети чувствовали, что родители борются друг с другом, и это их расстраивало. Филипп как-то объяснял девчушкам их с мамой размолвки, ее отсутствие

в доме по ночам. Пытался корить жену. Но градус любого разговора на эту тему она сразу повышала до скандала (ему все чаще казалось – намеренно). Да еще убеждала его, что все так живут – вот, мол, и Сидоровы ругаются, и Петровы, а Ивановы и вовсе дерутся, так что мы еще нормально живем. Филипп чувствовал, что не нормально, но сказать ничего не мог. Он чувствовал, как что-то нехорошее растет внутри, понимал, что выход один – развод, но не мог себе этого представить. К тому же, знал, что Маргарита с ее опытом и знакомствами, отсудит у него все, – и квартиру, и машину, и дочерей. Дочерей Филиппу было жаль.

Он отхлебнул из кружки чай, поставил кружку на стол и задумчиво посмотрел на нее. На кружке были пирамиды. В Египте они – Филипп и Маргарита, детей оставили ее родителям – были два года назад. Хотя и планировали отдохнуть, но тоже поругались: Маргарита думала, что они едут загорать, купаться и заниматься сексом, Филипп же готов был чуть не весь срок путевки потратить на походы по пирамидам, гробницам и музеям.

В детстве Филипп мечтал стать археологом, даже потом учился на историческом. В оптовку же попал из-за страсти к деньгам, которая тоже была у него с детства, с самой первой, подаренной бабушкой, копилки. Он помнил ее до сих пор – стеклянный квадрат, из таких в советские времена делали прозрачные стены. Кто-то пропилил в верхней стенке щель – получилась копилка, замечательная еще и тем, что деньги

в ней было видно. В десять лет он для денег собирал бутылки, а потом, в перестройку, когда в киосках стали продавать невиданное прежде широкими массами бутылочное пиво и широкие массы стали пить это пиво в три горла, Филипп понял, что один не справится и организовал на сбор стеклотары пацанов во дворе. Причем, деньги делили не поровну – он был главный, пацаны работали на него.

С тех бутылок и пошло, закрутилось, и в результате он вышел кем вышел – менеджером в оптовке, да и то в небольшой. Многие, кто работал вместе с ним, уже имели свои магазинчики, но ему это было неинтересно. Он снова начала читать, уходил в книжки, словно запирался в тайной комнате. Эту его привычку мало кто понимал. На корпоративах он иногда пытался блеснуть, но коллеги его не понимали, подначивали: «Филя, ну если ты такой умный, то почему такой небогатый?».

В Египте, в одной из пирамид, осматривать которые Филипп поехал в одиночестве (с Маргаритой поругались, она сказала, что покупала бикини для пляжа, и отказалась ехать по жаре черт знает куда), экскурсовод показал ему необычную роспись – с вертолетами и подводными лодками. Поначалу Филипп не поверил своим глазам. Потом подумал, что это арабы нарисовали специально – для туристов – и хоть и сфотографировал, но забыл (тем более, ссора с Маргаритой не шла из головы). Они в конце концов помирились с Маргаритой и остаток отпуска прошел как хотела она – то на пля-

же, то в постели (Филипп, впрочем, признался сам себе, что это не самая плохая программа).

Однако потом, уже дома, он вспомнил про снимки и решил почитать в интернете о них и о разных других казусах истории. Он и раньше слышал, что археологи время от времени находили то, чего не должны были находить – то авторучку в мозге древнего бизона, то пулю в мамонте. Относился к этому снисходительно – треп, сказки. И тут не надеялся на что-то серьезное – хотел просто себя развлечь.

Однако первое, на что он налетел, была большая статья о том, что пирамиды сделаны инструментами, которые египтяне не могли иметь: Древний Египет, по мнению ученых, относился к бронзовому веку, но каменные блоки резались и обрабатывались высококачественной сталью. Ученые эту странность или обходили совсем, или объясняли маловразумительно. Потом он прочитал про огромные постройки в Баальбеке – там неизвестно кто уложил громадные плиты, которые и нынче, с подъемными кранами и другими механизмами, уложить будет нелегко. Так как не было найдено ни папирусов, ни иероглифов на камнях, ученые решили, что цивилизация в Баальбеке не имела письменности – получалось, что все эти работы велись «на глазок», без расчетов и чертежей. Но тогда почему, думал Филипп, у строителей Баальбека результат лучше, чем у нынешних? Баальбек стоит почти три тысячи лет, а нынешние дома требуют ремонта уже лет через тридцать...

Не то чтобы Филиппа осенило, но однажды он подумал: если принять, что цивилизации прошлого были зачастую более развитыми, чем наша, то все становится на свои места. Как построили пирамиды? Да таскали плиты грузовыми вертолетами. Как прорыли первый Суэцкий канал? Экскаваторами. Что такое рисунки в пустыне Наска? Да выставочный зал, по которому экскурсии летали на самолетах. Филиппа больше всего удивляло то, что если какую-то странность уж совсем никак нельзя было объяснить, то вспоминали про инопланетян – мол, прилетели и передали знания. Мысль же о том, что предки могли быть не дурнее потомков, не допускалась, как когда-то не допускалась мысль о том, что земля – шар.

«Нашей цивилизации две тысячи лет, и вот мы уже разговариваем по сотовым, у нас есть компьютеры, интернет и мы летаем в космос. А египетская цивилизация существовала пять тысяч лет – и почему мы решили, что они не придумали ничего, круче колеса?! – думал он, сам удивляясь очевидности своих прозрений. – Мы смотрим на прошлое свысока, сверху вниз. Мы считаем, что развитие человечества последовательно, и Египет, и древние греки, и мы звенья одной цивилизационной цепи. Но цепей-то могло быть много!» – думал Филипп, и от этих мыслей его бросало то в жар, то в холод.

Но не только мысли о том, что древние были не дураки, пришли ему в голову. Однажды, увидев на скамейке выре-

занное «Саша+Лена», Филипп вдруг подумал, что для человека очень важно оставить по себе след. И не столько след, сколько память, информацию. Но могли ли тогда те, кто жил до нас, не попытаться передать потомкам «привет»?

Можно было бы считать «приветами» те же пирамиды, те же рисунки в пустыне Наска. Однако о рисунках Филипп думал, что просто был и у древних свой Церетели, а пирамиды считал проявлением древних понтов – так сейчас миллионеры меряются яхтами, просто у каждого времени свой стиль. Настоящий «привет», думал Филипп, должен содержать информацию, много информации. При этом, сам по себе он должен быть невелик, компактен. «Это должно быть что-то вроде флешки.... – однажды подумал он.

– Какой-то предмет, небольшой, предназначение которого нам по нашему высокомерному отношению к предкам, не понятно и который мы, может быть, пинаем ногами. Если от древних цивилизаций остались такие штуки, значит, они жили дольше и лучше нас. Так, может, на этой флешке есть и рецепт – как нам жить?».

Филиппа так захватили эти идеи, что он даже книжку об этом написал, и, выдержав скандал с Маргаритой, издал ее за свой счет нынешним летом. Книжка называлась незатейливо – «Флешка: нам привет из прошлого». Филипп думал, что совершил открытие уж куда полезнее атомной энергии – в общем-то он подарил человечеству надежду на вечную жизнь: достаточно найти послание предков и дальше дей-

ствовать по инструкции. Он ждал, что ему начнут звонить журналисты, он будет раздавать интервью. Но книжка пропала где-то среди прочих. В местном книжном магазине ее поставили на полку местных писателей, между книжек о деревне, тракторах и доярках. Покупали книжку редко. Он выставил ее отрывками в интернете, но и там ее не больно-то читали – только несколько сумасшедших, которым явно хотелось показать свою ученость, оставили комментарии, от которых Филиппу хотелось плевать, да кто-то несколько раз вставил рекламу дурацкого дезодоранта.

Филипп после этого загрустил. Кроме человечества, он за книжкой думал и о себе – может, вынесет эта книжка его из беспросвета и скуки? Получалось – не вынесла. Он говорил себе, что, может, оценят его потом, но знал, что потом ему не надо, надо – сейчас. Но выходило так, что сейчас ничего, кроме работы, Варфоломеева, Марьяны, Маргариты, эсэм-эсок из банка, поисков денег на кредиты (а нынче еще и на новогодние подарки!), беспросвета со всех сторон – по вертикали и по горизонтали – не будет.

Филипп поморщился, допил из кружки чай одним глотком и поставил ее вниз, под крышку стола – чтобы не мозолила глаз.

– Сильнее, сильнее задницу оттопыривай! – кричал Семен Каменев на всю округу. Прохожие, шедшие мимо площадки, на которой они играли футбол, удивленно смотрели на странную картину: четверо мужчин выстроились, нагнувшись, вдоль борта площадки, а еще четверо, с радостным го-готом, стояли напротив.

– Опять продули! – сказал с досадой Игорь Фомин, высокий, плотный, с круглой коротко-стриженной головой.

– А что делать, если у нас вратарь – дырка?! – ответил ему Лев Фадеев, молодой человек лет двадцати пяти, неказистый, с тусклыми глазами и серой кожей, в дурацких очках.

Костя Варфоломеев, еще один игрок проигравшей команды, только вздохнул. Филипп старался ни на кого не смотреть – он и был этим вратарем. Еще в школе, по причине полной бесполезности в поле, его ставили на ворота, где он все же ухитрялся ловить большинство мячей. Но здесь ему не везло – сказывались, видать, разница в возрасте команд и в потенциале.

Хоть и говорили в начале игры все, что в случае проигрыша печалиться не стоит (по нынешнему это звучало «не грузись»), мол «не корову проигрываем», однако сейчас чувство было тягостное. Дополнительно отравлял существова-

ние радостный гогот победителей, из которых Семен Каменев куражился больше всех.

– А мы сейчас вот что сделаем! – кричал он. – Мы пинать будет только Игорю, Косте, и Левке. А они потом пускай сами Филипка своего наказывают!

Алферовы и старший Каменев заржали еще громче.

– Так, так, Сема! – прокричал Матвей Алферов, старший из братьев-налоговиков, высокий, плотный, круглоголовый, без шапки, с залакированной прической на косой пробор. – Дай-ка я начну! Напинаем налогоплательщиков!

Хотя шутка, на вкус Филиппа, была так себе, но Каменевы захохотали.

– Вот суки... – со вздохом негромко – только своим – сказал Фомин. – Наши задницами себе налоговые поблажки хотят купить Сема с Андрейкой...

Алферов ударил, но поскользнулся, и мяч ушел в молоко.

– О! Повезло! – довольно крикнул Варфоломеев и все четверо – в том числе и Филипп – тихо засмеялись этому небольшому, но приятному, подарку судьбы.

– Откуда у тебя ноги-то растут?! – кричал тем временем Яков, младший из Алферовых, хоть и толстяк, но бойкий живчик, в игре катавшийся по полю колобком.

– Откуда у всех, оттуда и у меня! – в сердцах ответил ему старший, переживая, что промазал.

– Вот, смотри, как надо! – назидательно сказал Яков, поставил мяч на отметку и отошел для разбега.

– Чует мое сердце, этот не промажет!

– только и успел проговорить Фомин, как сзади раздался звук мощного удара и почти сразу Костя Варфоломеев подпрыгнул, держась за зад.

– А, блин! Вы полегче! – кричал он. Победители ржали и хлопали друг друга по рукам на американский манер.

– Жеребцы хреновы... – грустно сказал Фомин...

...После футбола все вместе поехали в кафе, попить пива, обсудить игру – это тоже был ритуал. Из восьми предназначавшихся побежденным ударов в цель попали пять, чем довольны были обе стороны. Третьяков чувствовал себя немного виноватым – ему только раз попали мячом по заднице, да и то вскользь (бил Семен Каменев, а он, несмотря на свое бахвальство, футболист был еще тот). А вот Косте, кроме первого, досталось потом еще два раза. Еще две «плюхи» прилетели Фомину. Фадеева горькая чаша миновала, и это было объяснимо: Алферовы пожалели – все же брат, но и Каменевы постеснялись – все же брат Алферовых. Так уже бывало не раз. Фадеев по этому поводу не комплексовал – по окончании экзекуции он развел руками и сказал товарищам по несчастью: «Всюду блат!». Но лицо его не было веселым, наоборот, глаза его недобро и недовольно сверкнули, словно он думал – хоть такая польза от этого родства...

Филипп знал историю Фадеева: пару лет назад тот позвонил Матвею с известием о том, что умирает отец, хочет проститься. Матвей, посоветовавшись с Яковом, к отцу не поехал

— они так и не могли простить того, что он ушел, бросив их с матерью, когда старшему было десять лет. Отец скоро умер, о чем братьев известил все тот же Лев. Вот так, слово за слово, звонок за звонком, он наладил какой-то контакт со старшими сыновьями своего отца. Филипп видел, что Матвей и Яков только терпят Льва и думал, что и Лев не может этого не замечать. Однако Фадеев никуда не пропадал, да тут еще затеялись играть в футбол и Фадеев пришелся кстати — иначе не получилось бы играть четыре на четыре. В конце концов к нему все привыкли. К тому же, он был музыкант, играл в ресторане — в этот ресторан и ездили пить пиво: для Фадеева там делали скидку.

Разговоров, что по пути, в машинах, что уже в ресторане, только и было, что о выборах и о вчерашнем, в субботу прошедшем, митинге по поводу фальсификаций. В их небольшой компании разделились голоса – за «Единую Россию» были Алферовы (по работе) и Каменевы («а за кого еще голосовать?» – говорили они). Фомин был за ЛДПР (объяснял, что это единственный способ показать фигу), Варфоломеев проголосовал за эсеров, Филипп – за коммунистов. Фадеев с вызовом говорил, что не ходил на выборы и ходить не собирается. Теперь разделились и мнения по поводу митинга.

– Американцы этим уродцам платят, они и протестуют! – сказал Матвей Алферов еще по дороге в ресторан. Он вместе с Яковом и Фадеевым ехал в машине Филиппа – Филипп пить не собирался, поэтому сел сегодня за руль.

– То есть, никто нигде не ворует, кругом лепота и мы катаемся как сыр в масле? – поинтересовался Фадеев у брата с ехидцей в голосе. Матвей ехидцу почувствовал, повернулся к сидевшему сзади брату и наградил его уничтожающим взглядом.

– Кто ворует – тех сажают! – веско сказал Матвей.

– Ну вот тебя же не посадили! – поддел его Фадеев. Филипп чуть не поперхнулся – он все же не ожидал от Фадеева таких слов, всегда думал, что тот ходит перед старшими бра-

тъями на цыпочках, ждет подачек с барского стола. «Или уже понял, что не дождется?» – подумал вдруг Филипп, взгляды-вая в зеркало заднего вида, в которое видно было Фадеева. Тот сидел злой и бледный.

– Ты полегче! – прикрикнул на него сидевший рядом Яков Алферов. – Мы люди государевы. Если бы не налоговая, учителя и врачи без денег сидеть будут.

– А то они сейчас в деньгах купаются!

– зло сказал Фадеев. – Не на учителей и врачей вы деньги из народа выколачиваете, а на ментов, на тюрьму, на судебных приставов да на армию. Чтобы, если что, было кому этот народ, в том числе врачей с учителями, по башке бить.

– Вот ни хрена себе ты заговорил, Левушка! – всплеснул руками Матвей.

– Народ! Какой народ? Ты где его видел – народ? У себя в кабаке?

– Да я сам народ, Матвей... – ответил Фадеев. – Мы вот с тобой на той неделе зашли в книжный магазин – ты купил все, что там нового привезли, только чтобы продавщице пыль в глаза пустить. Ты ведь даже читать эти книжки не будешь! Ты не знаешь, куда деньги девать, а у меня бабка, соседка снизу, живет на хлебе и молоке. А пенсионерка, ветеран труда.

– Значит, такого труда! Кто хорошо работал, у тех на жизнь хватает! – рубанул Матвей и уставился в окно. Как-то сник и Фадеев. Филипп не сомневался, что в книжном все

было именно так – Матвей и при нем не раз проделывал этот трюк: то заказывал в кафе все меню – полностью, до зубочисток. То покупал на цветочном рынке все цветы. Филипп понял, что Алферов делает это для того, чтобы никто не мог подумать, будто у него на что-то не хватит денег.

– А чего, Левушка, завидуешь? – вдруг поддел брата Яков. – Так учиться надо было. А не на гитарке трень-брень. Путин приказал – живите и наслаждайтесь! Вот мы живем и наслаждаемся! И за кого мы по-твоему должны голосовать?

Фадеев зыркнул на него, хотел что-то сказать, но сдержался. В машине наступила тишина. Филипп, посмотрев пару раз в зеркало, пытался понять, с чего вдруг Фадеева так сегодня понесло, но так и не понял.

«Об учителях и врачах государство думает, а кто бы обо мне подумал? Пять лет зарплата не растет, фирма не успевает налоги и платежи разные во всякие фонды платить...» – вздохнул про себя Филипп, но вслух ничего не сказал – ему сегодня не хотелось дискуссий.

Однако, когда они подъехали к ресторану и, дождавшись остальных, вышли из машины, стало очевидно, что без дискуссии не обойтись: те, кто ехал во второй машине, тоже, оказалось, заспорили о выборах. Филипп, услышав это, поморщился, как от зубной боли.

В ресторане, еле переждав официанта, все заспорили буквально стенка на стенку, с яростью, как не играли и в футбол. Каменевы и Алферовы бились за свое, остальные, объ-

единившись, предъявляли им то за Путина, то за «Единую Россию».

– Вот ты, Семен, все говоришь «проклятые девяностые!», «Ельцин вор»... – прищутив глаза, говорил Фомин. – А вот ответь – сколько у Ельцина дач было? А?

– А чего это ты про дачи? – чувствуя подвох, насторожился Семен Каменев.

– А того! – веско сказал Фомин. – У Путина сейчас по всей России не меньше десятка дворцов. Ради Ельцина горы в Горном Алтае не взрывали и дороги по миллиону рублей за квадратный метр не прокладывали. Он в этот дворец приедет-то раз в два-три года на пять дней. Пожил бы и в избушке – так нет! Цари так не относились к России, как он относится.

– Мужики, давайте заключим пивное перемирие... – взмолился Яков Алферов.

– Мы чего сегодня собрались? В футбол поиграть и пивка выпить. Отдохнуть, развеяться.

Фомин сумрачно глянул на него, но ничего не сказал.

Они – кто хотел – выпили по глотку. Беседа не клеилась. Если кто открывал рот, то лишь чтобы попросить соли там или салфеток. Первым то, что политики не миновать, признал Каменев.

– А ты чего, Филя, на митинг-то ходил? – спросил он.

– Ну как... – осторожно начал Филипп. – Интересно. Такие вещи творятся. Надо своими глазами видеть.

– Какие – такие? – вскинулся Семен.

– В 1991-м году тоже вон творилось. И что? Такую страну в унитаэ спустили!

– Семен, вот есть у тебя голова, так ты ею думай! – сказал Фомин. Он был здесь старше всех, поневоле его слушали внимательно. – Советский Союз помер бы в любом случае. Потому что экономическая модель была нежизнеспособная.

– Скажете тоже, Игорь Сергеич! – проговорил Андрей Каменев. – Чего бы нежизнеспособная?! Семьдесят лет стояла страна.

– А я знаю, что говорю... – ответил Фомин. – И ты бы меньше верил тому, что тебе из телевизора говорят. Какие семьдесят лет? Сначала была революция. Потом – гражданская война. Потом – восстанавливали страну после гражданской. Потом – готовились к новой войне. Потом опять воевали, и опять восстанавливали. И социализм строить взялись только в конце 50-х годов. А в середине 80-х уже жрать нечего было, карточки ввели. Нормальной жизни и тридцати лет не было. Что же это за великая страна? В СССР за товар не давали настоящую цену, и за труд не давали настоящую цену. А без этого экономики не бывает.

– А вот что вы скажете про план Даллеса? – ехидно, словно вытащил джокера, поинтересовался Матвей Алферов.

– Был ведь план? Затевала Америка против нас?

– Вот и ты не смотри телевизор... – усмехнулся Фомин. – Или, если смотришь, думай: почему в меню именно эта лап-

ша? Зайди с другой стороны. Вот у них была план Даллеса – а у нас, думаешь, этих планов не было? Мы во всех сколько-нибудь значимых странах кормили компартии, стоило кому-нибудь в Африке заявить, что они выбирают социалистический путь развития, как мы туда эшелонами и пароходами гнали продовольствие. Египту плотину построили за чеснок. Куба с нами рассчитывалась сомбреро – полный город был сомбреро, я сам пацаном в нем ходил. У нас были свои планы Даллеса, и не один. Но их сработал, а наши – нет. Почему? А все потому же: экономики у нас не было. Да и дух подвышибли.

– Не, не говори, Игорь Сергеич... – начал Андрей Камнев. – В советские времена мы в хоккее и футболе были впереди планеты всей.

– Ну да, на старом запале... – кивнул Фомин. – А сейчас – пшик. А почему? Мясо-то на человеке наверняка одинаковое. Почему в того же Гуса Хиддинка с корейцами получилось, а с нашими – нет? А потому что в поджилках слабы. Вот возьми англичан: у них характер и в большом, и в малом – они с Гитлером с 39-го года воевали, да еще нам посылали продуктовые посылки и оружием, и в футболе будут биться до последней секунды. В чем секрет?

Фомин обвел всех взглядом и торжественно выговорил:

– Душа обязана трудиться! Душа обязана трудиться! То есть, не только материя важна, но и дух! А у нас – и при Советской власти, и потом – решили, что без души можно

и обойтись. Ан нет – опыт показывает, что дух первичен. Именно наш опыт, российский, показывает, что дух первичен. Дух, гордость, характер из русских вышибли, а без этого и страна не страна, и народ не народ, снизу доверху, от бомжей до миллиардеров. Ведь и миллиардам их миллиарды характера не прибавляют.

– Одному прибавили – он сейчас рукавички шьет! – сказал Семен Каменев, усмехаясь.

– Вот-вот... – кивнул Фомин. – Как в детском саду – одного воспитательница поставила в угол, и все дети послушно стали есть манную кашу. Ну да, одних можно запугать, других купить, но страх проходит, а деньги – в конце концов, найдется тот, кто даст больше. Начальники наши отлично это понимают, пытаются запустить душу в человеке, нажимают на разные кнопки – вот тот же патриотизм – но сами же этого и боятся: а ну как запустится на полную мощность? Это ж на каких пинках люди будут их гнать?

– А ты против патриотизма? – спросил Андрей Каменев.

– Такого, какой мне в руки суют – против! – кивнул Фомин. – Если родина моя, так дайте мне в ней прибраться. Я же в своей квартире расставляю мебель как хочу. И обои клею, какие мне нравятся. А тут – вроде и моя Россия, но только трогать ничего нельзя, вот как эти ребята из Кремля все расставили, так пусть и стоит.

– Мало ли как тебе нравится! – сказал недовольно Семен Каменев. – А, может, мне по-другому нравится. И что тогда?

– А тогда... – с удовольствием сказал явно ожидавший этого возражения Фомин, – договариваться будем! Демократия!

– Наелись мы этой демократии досыта в Грозном в 1995 году! – веско сказал Иван Громов.

– А чего хотели-то? – с любопытством спросил его не сдававшийся Фомин. – Семьдесят лет балду гонять, а потом чтоб на все готовенькое? Чтоб сразу – как в Швеции, почти коммунизм?

Громов оторопело уставился на него.

– Вот рос себе ребеночек... – заговорил Фомин. – Вырос, допустим, лет до тринадцати, а потом перестал. Впал, например, в летаргию. А его сверстники растут, заканчивают школу, поступают в институты, влюбляются, находят хорошую работу. А лет, допустим, через тридцать этот ребеночек проснулся. Смотрит на сверстников и завидует, ему хочется жить так же, как сверстники: с хорошей машиной, квартирой или домом, красивой женой или подружкой, с деньгами и приличной работой. Но для этого ему надо закончить школу, институт, научиться строить отношения с противоположным полом, сдать экзамены на права, освоить банковскую карту, и еще много чего – тысячи дел. Нормально – это признать: да, отстали мы, будем нагонять. И тогда, с некоторым отставанием, но этот ребеночек освоился бы, нашел свое место в мире. Но нам-то хочется все и сразу, безо всей этой фигни – школы, институты! Мы, как сказал Ленин, пой-

дем другим путем! В результате – ребеночка колбасит, он не слушает ни папу, ни маму, плюет на соседей, все наперекосья. А главное, весь этот путь который мы проспали, все равно придется пройти. Не нам, так нашим детям. А ведь остальные за эти двадцать лет, пока мы куролесим, прошли еще часть пути. Так что еще вопрос, догоним ли мы их вообще, даже если вот прямо сейчас возьмемся за ум...

Он замолчал. Тягостно молчали и остальные.

– Как это у вас, Игорь Сергеич, все интересно выходит... – заговорил Андрей Каменев, надеявшийся увести разговор на более мирные темы.

– Да так!.. – с довольным видом подтвердил Фомин. – Я думаю. Мозг нам всем даден, вот и пользуйтесь. Складывайте два и два. Правда, когда получается четыре, нужна еще смелость, чтобы признать, что это именно четыре. Решиться надо. А решительным в России срок дают...

Каменев поморщился – разговор увести не удалось.

– А у народа? А у народа есть эта смелость? – спросил Семен. Филипп не понял – то ли ему правда было это интересно, то ли, оттолкнувшись от этого, Семен затевал очередную каверзу.

– Да кто знает... – пожал плечами Фомин. – Сказано в одной книжке: «Я нашел всех их пьяными, я не нашел никого из них жаждущим, и душа моя опечалилась за детей человеческих». Народ сейчас никому не верит. Хочет, чтобы было по-другому, а как – не знает. Без организации никакой по-

литической борьбы не бывает, но у народа на все партии реакция отторжения. То, что 10 декабря было и в Москве, и у нас – это даже не Новгородское вече, а ведь и вече – это XIII век. Так что получается, что в России на сегодня отношения народа и государства отстали от остального мира на 800 лет.

– Ну это вы, Игорь Сергеич, подзагнули! – крикнул Андрей Каменев.

– Да и не нужен нам остальной мир! – воспрянул пребывавший до тех пор в прострации Яков Алферов, имевший несмотря на свои тридцать лет уже солидное пузцо и три лишних подбородка. – У нас свой путь – суверенная демократия.

«Ну да, весь мир ходит на двух ногах, а мы из принципа давайте будем ходить на двух и еще опираясь рукой на землю... – подумал Филипп, и опять ничего не сказал. – Или – спиной вперед. Ничего, что хреново и медленно, главное – суверенно».

– Чего, Филипп, усмехаешься? – заметил это Семен. – Ты нам вот что Расскажи – как там на митинге-то? А то начал, да мы тебя перебили... Доллары-то когда раздавали – до начала или после окончания?

– Ну, вот почему ты всегда так, а Семен?... – поморщился Филипп. – Почему в людей не веришь?

– А чего в них верить-то? – удивленно уставился на него Семен, как-то даже выпучив глаза. – Шантрапа всякая, студенты и школьники, неформалы хреновы – это я в них дол-

жен верить?

– Шантрапа эта на площади четыре часа стояла! – сказал Филипп. – А вот ты и на пять минут не пришел.

– А мне что там делать? – опять недоуменно выпучил глаза Семен. – У меня все хорошо.

Тут он вспомнил что-то и помрачнел. Филипп удивленно посмотрел на него и заметил, что помрачнел и Каменев-старший.

– Чего это вы? – спросил он.

– Да так... – ответил Андрей, исподлобья глядя на младшего брата. – Семен покупателю в морде двинул...

– Ого! – воскликнули все, кое-кто даже захохотал (с облегчением – смена темы обрадовала).

– Как это? – спросил Варфоломеев, до этого сидевший молчком.

– А вот так... – ответил Андрей. – Пришел мужичок и начал кричать, что купил в нашем магазине форель с душком.

– Ты не так рассказывай, ты рассказывай, как было! – вскинулся Семен. – Приперся какой-то хрен плюгавый, размахивает рыбиной, которой у нас отродясь быть не могло, и кричит, что купил ее у нас. Я ему и так, и эдак... Пойдемте в мой кабинет, поговорим... Есть ли у вас чек? Уверены ли вы, что купили у нас? Он никуда не уходит, стоит посреди магазина и горлопанит. И пришел ведь в самый жар – полный магазин народу. Покупатели уже начали на товар коситься и от самой кассы обратно на прилавки его относить.

Семен умолк, вздохнул и устался в стол.

– И что? – с любопытством поинтересовался Филипп.

– Да ничего! – бухнул Андрей Каменев. – Сема вспомнил морпеховскую молодость, заломил клиенту руку за спину и на виду у всего торгового зала отвел его в подсобку. Рыба, как выяснилось, все же не наша. Но это особого значения уже не имеет – неприятностями мы обеспечены лет на десять вперед!

Хоть и жаль было Каменевых, но за столом все захохотали – пытаясь сдерживаться, но от этого еще сильнее, до слез. Матвей Алферов и вовсе хлопал рукой по столу и бормотал: «Вот объяснил! Вот объяснил!». Каменевы и сами – не плакать же теперь всю жизнь – посмеивались.

– А откупиться? – спросил, придя в себя, Фомин. – Давайте я специально для этого деда привезу бочку такой икры, какой он никогда здесь не увидит.

– Ну... – без энтузиазма пожал плечами Андрей. – Попробовать-то можно. Хотя дед принципиальный... И ведь с рыбой-то он сам что-то напутал! Или конкуренты подослали? Если бы не Сема, мы еще смогли бы ему что-то объяснить. Но теперь, боюсь, война до победного конца. Да и не дед ведь нас дрючить будет – полезут сейчас изо всех щелей с проверками...

– А я всегда говорил, что я не торгош! – вскинулся Семен (он не мог долго чувствовать себя виноватым). – Я солдат. Равняйся, смирно, шагом марш! А вот это все – клиент все-

гда прав, а если не прав, то смотри пункт первый – не для меня.

– Ну так шел бы в школу военруком! – в сердцах сказал Андрей.

– Так военруков нет... – подсказал Фадеев.

– Ну этим, как его... ОБЖ преподавать... – поправился Андрей.

Все опять замолчали. «Какое-то грустное воскресенье получается...» – подумал Филипп. Эта же мысль, видимо, пришла в голову и остальным.

– Кстати, Филя, а как там твоя книжка? – вдруг вспомнил Андрей Каменев.

– Точно! – Семен Каменев был рад, что разговор не о нем. – Из Нобелевского комитета уже звонят?

– Звонят. Но я сбрасываю. Решил: буду как Пастернак – откажусь! – отшутился Филипп (с Семеном надо было как теннисе – мгновенно реагировать на подачу, а то он начинал играть на добивание и его было не остановить). – А книжка – лежит дома штабелем. Продавать-то особо негде. В книжном магазине процент дерут да еще упрятали Бог знает на какую полку. Специально захочешь – не найдешь.

– А ты давай ее к нам в магазин! – сказал вдруг Андрей. – Пока нас не прикрыли, продадим, поможем товарищу.

Филипп пожал плечами – почему нет?

После этого по предложению Фомина выпили за мир во всем мире. Потом Фомин же, при всем своем скептициз-

ме очень чуткий, сказал: «Быть добру». Это был – все знали – старый казачий тост. Выпили и под него. Стало легче. Андрей Каменев вспомнил какую-то историю из чеченского прошлого. Потом Фадеев сказал: «Сейчас я вам сыграю», и спел красиво и грустно, так, как и не ждал никто от человека его внешности.

Когда разъезжались вечером из ресторана, все опять были лучшие друзья, глядели друг на друга нежно и просили если вдруг что, звонить без всякого стеснения...

Кулешовка была большая деревня, хоть и не райцентр. В советские времена здесь имелся кинотеатр, а еще кино крутили в клубе при элеваторе. Клуб деревенские мужики – бабам-то было не до клубов – любили больше: приходили сюда вечером и часами катали шары на старом перекосившемся бильярде, под картиной Исаака Бродского «Ленин в Смольном» – той самой, на которой Ленин пишет что-то, сидя за столом, а напротив него – пустое кресло в белом чехле. Папиросный дым в фойе клуба стоял коромыслом. Мужики посмеивались: «Курите в сторонку: мы-то отдыхаем, а Ильич, ты гляди, работает!». (Уже потом, через много лет, в газетах начали писать, что пустое кресло было пустым не всегда – сначала в нем будто бы сидел Сталин, но в разгар борьбы с «культом личности» его из картины вычистили. Но из тех мужиков, кто играл под Лениным в бильярд, мало кто про это узнал – одни уже и померли, а остальным было не до газет, такая пошла жизнь).

Неподалеку от клуба был центр села (в обиходе так и говорили: «Иду в Центр»), с главной площадью, которую с трех сторон обступали руководящие учреждения, а с четвертой – Дом культуры, двухэтажный, современной (то есть, без излишеств) архитектуры, в стиле советского минимализма, зато с широким крыльцом, на котором в праздники, как на сцене,

выступали местные самодеятельные артисты. При ДК имелся музей, созданный в 70-е годы стараниями местного учителя истории, который сам какое-то время этим музеем заведовал. Музей работал в прямом смысле через раз – во вторую и четвертую субботу месяца, и имел поначалу разделы дореволюционного быта (оченьгодились прялки и деревенские ткацкие станки), борьбы за Советскую власть (под стеклом лежали ржавые револьверы и берданка с выпадавшим затвором) и строительства социализма (тут материала было много – все же в селе был свой Герой Соцтруда, в музее имелся его фотопортрет и разные личные вещи). Присутствовал и краеведческий раздел – с чучелами местных птиц и животных, как везде. Но была и изюминка: в стеклянном гробу лежал скелет древнего человека, найденного археологами неподалеку от Кулешовки – учитель истории как-то вымолил его у археологов, чтоб не увозили в город.

Потом учитель умер. Потом кончилась советская власть. Следующий директор музея был из молодых, с юмором – когда в августе 1991 года разогнали КПСС, он сообразил для потомков перенести в музей кабинет первого секретаря райкома – с длинным столом светлой полировки, графином, 50-томником Ленина и его же бюстом, и прочей партийной утварью, все как было. Обстановку перенесли. Но по тесноте вышло так, что в этом же помещении находился и стеклянный гроб древнего человека, глядя на кости которого наиболее остроумные посетители спрашивали, не есть ли это тот

самый первый секретарь?

Правда, нынче была зима и посетителей ждать не приходилось. Люба, вторая, кроме директора, сотрудница музея, молодая, но строгая, девушка (из тех, что не красавица, но смотреть приятно), составляла картотеку на старые монеты, которых в музее еще с советских времен было полно. Дело было не срочное, но сегодня как раз была вторая суббота месяца, 10 декабря, музей должен был быть открыт. Люба отперла его в десять утра, и теперь до трех надо было сидеть здесь. Еще дома она придумала, что сегодня займется монетами. Кроме простынных размеров царских банкнотов и керенок, имелось еще немало серебра – царского и советского, полтинники и рубли. Люба замечала, что деревенская ребятня, забегавшая в музей время от времени, уж очень косится на серебро. Нумизматическая витрина имела замок, но несерьезный. Люба поделилась опасениями с нынешним директором, старичком, местным лидером коммунистов (российская история уже успела дать круг), но тот сказал, что уж до царского серебра ему точно дела нет, хоть переплавьте его все на зубы. Люба вздохнула и решила для начала хотя бы переписать монеты – сколько да каких.

Работа шла неспешно – торопиться-то некуда. Люба описывала внешний вид монет, номинал, особые приметы (на некоторых были царапины). Для интересу прикинула вес. Серебра выходило как минимум полкило. «Ого!» – усмехнулась Люба, держа монеты полными пригоршнями.

Тут у Любы зазвонил сотовый. Она посмотрела на экран, улыбнулась и даже, как написали бы в старинных книгах, заделась. Если бы в музее был в это время кто-то, знающий Любу, он бы остолбенел – такой Любу до сих пор не видел никто.

– Да... – ответила Люба. В трубке кто-то заговорил.

– Олег, ну я не могу... – сказала Люба.

– У меня же работа...

Олег что-то снова ей сказал, краска залила лицо девушки.

– Нет, не надо приходить в музей, я занята! – проговорила она, стараясь, чтобы голос звучал твердо, и с ужасом понимая, что прозвучало почти жалобно!

– Олег, ну прекрати... – просительно протянула она, слушая его воркование. Олег был молодой человек, который весь последний месяц пытался за Любой ухаживать. В Кулешовке в общем-то все знали всех, и Люба знала Олега – хоть и работающий, но шалопай – и не понимала, откуда вдруг у Олега к ней чувства. Однако, признавала она, примерно так бывало и у других в деревне: ходили мимо друг друга, а потом внезапно глаза открылись, и – любовь. «Неужели он влюбился?» – с испугом и замиранием сердца думала Люба. В свои восемнадцать опыта в таких делах она не имела по причине строгого родительского воспитания. Подружки после школы разъехались – кто в райцентр, кто в город – и опыта поднабрались, некоторые даже чересчур. Любу ни в город, ни в райцентр не отпустила мать – сказала, в следующем го-

ду, но, догадывалась Люба, и нынче у матери найдутся доводы, чтобы удержать ее у своего подола. Люба чувствовала, что мать все никак не может смириться с тем, что дочь уже взрослая, но не бунтовала – она и сама не чувствовала себя взрослой. К тому же и пацаны ее избегали, что немного ее все же удивляло – вроде ведь не хуже других, а поди ж ты. Так что по большому счету Олег, с его звонками, прогулками и мелкими подарками по разным, вроде бы малосущественным, поводам, стал первым фактом ее взрослой жизни. Ну, еще работа – но работа это так, она и в старших классах подрабатывала в разных местах.

– Прекрати, Олег... – прошептала она, замирая от тех слов, которые он ей говорил в трубку. Олег, надо отдать ему должное, был настырный. На прошлой неделе они впервые поцеловались, Люба смутно догадывалась, что это только начало. Подружки, с которыми можно было посоветоваться, как раз были на учебе кто где. Люба надеялась, что они придут на Новый год – а до Нового года она уж как-нибудь продержится. «Осталось-то меньше трех недель»... – подумала Люба, чувствуя в теле сладкую истому – и от слов Олега, и от того, на что она уже в общем-то, если не врать себе, решилась.

– Нет, не скажу... – проговорила Люба в трубку тихо, словно кто-то мог ее услышать. – Перестань, ну что ты из меня клещами такие слова вытягиваешь...

Олег снова что-то заговорил. «Вот хоть механизатор, а

болтать горазд... – подумала Люба, млея. Ей было хорошо.
– Сказать что ли?»...

– Нет, и не проси... – ответила она, боясь, однако, не подошел ли лимит таких ответов уже к нулю. «Еще обидится...»

– подумала она. Олега ей не хотелось терять – хоть и шалопай, но добрый. «А шалопаи всегда добрые...» – вдруг подумала она и сердце залила горячая волна, такая, что она не сдержалась, и быстро проговорила в трубку:

– Да люблю! Люблю! Доволен?!

И счастливо засмеялась.

Олег что-то заговорил, она слушала его, но какой-то звук мешал, что-то зудело то ли сзади, то ли сбоку от Любы.

– Олежек, подожди... – попросила Люба, отняла трубку от уха и оглянулась. Зайцы, коршуны, громадный лось и прочая набитая опилками живность смотрели на нее своими пластмассовыми глазами. Люба встала и прошла в соседний зал, тот, где у них лежали револьверы и берданка. Потом – в тот, где был мемориальный кабинет. Все – графин, скатерть, ровные ряды темно-синих ленинских книжек, бюст, чернильный прибор из зеленого камня, скелет ископаемого бедолаги в стеклянном гробу – было на месте. Звук между тем не исчезал. Люба у недоумении и некоторой уже панике быстро пробежала по залам, пытаясь понять, откуда он идет, этот звук – тихий и зудящий. Тут он вдруг кончился, что-то щелкнуло и Люба услышала голоса!

Они что-то говорили, хоть негромко, но внятно, но Люба

при этом не понимала ни слова.

Стараясь держать себя в руках, Люба поднесла трубку к уху и проговорила:

– Олег, ты можешь приехать? Тут что-то такое творится...

Когда она отняла трубку от уха, голосов уже не было слышно. Люба прошла по музею, заглядывая во все закоулки, под все шкафы, но ничего подозрительного не нашла. Испугавшись от этого еще больше, она оделась, заперла музей, и пошла вниз, в фойе Дома культуры – ждать Олега. Сидеть в музее одной не было сил.

– Ну, и что тут у тебя? Показывай, что гудело, где гудело... – Олег говорил громко, шагал по пустым коридорам ДК шумно – он вообще был шумный человек. Хоть худой, но жилистый, с открытым насмешливым взглядом – как только он приехал, все страхи у Любы прошли. Тем более, ей в голову вдруг пришло – а ну как он решит, что она про голоса придумала, чтобы его сюда заманить? От этой мысли она запунцовела, и как назло в эту-то минуту Олег на нее и оглянулся!

«Хорошо, в коридоре темно... – лихорадочно подумала Люба. – Видел или нет?».

Они поднялись по лестнице, прошли по коридору. Люба достала из кармана ключи и начала открывать музейную дверь. Замок заело. Его постоянно заедало – надо было как-то по-особому шевельнуть ключом, прислушиваясь к нему и к замку, – но сейчас у Любы не было сил прислушиваться.

– Ого! – сказал Олег. – Привидения заперлись?

Она возмущенно оглянулась на него – шутит или вправду решил, что она все придумала? Он отодвинул ее от двери и сам взялся за ключ. Однако, с удовлетворением увидела Люба, и у него ничего не получилось.

– Что? Привидения заперлись? – ехидно спросила она. Оба засмеялись.

– Давай я... – сказала Люба. – Там уметь надо, замок старый, его самого надо в музей сдать...

Она взялась за ключ, успокоилась, и начала понемногу шевелить им в скважине. Через минуту зубчики ключа попали куда надо – Люба почувствовала, как ключ проворачивается. Она распахнула дверь и ликующе оглянулась на Олега.

– Дело мастера боится! – сказала она.

– А я что? Я ничего... – сказал Олег и вошел в зал.

Люба так обмерла от того, что он прошел мимо нее, обдав запахом гаража (он приехал с работы прямо на колесном тракторе) и сигарет, самыми мужскими запахами в мире, что и забыла бояться. Только когда он уже вышел на середину зала, она охнула и закричала:

– Осторожнее!

Олег оглянулся на нее недоуменно.

– А что здесь может быть? Мишки твои меня задерут? Так их давно мошь почикала...

Он кивнул на зооуголок – известный и ему, и ей с детства мишка и правда был старый, с проеденными молю проплешинами.

– Я же не шучу... – сказала Люба, надувая губы. – Что-то было. Я так испугалась...

– Ну теперь-то я здесь, так что не дрейфь... – ободрил ее Олег и, она заметила, собирался сплюнуть, как он сплевывал всегда на улице – с некоторым шиком – но вспомнил, что он в музее, и прервал процесс на полпути.

– Да, давно я здесь не был, а все на своих местах... – озираясь, сказал Олег.

– Ну так чего здесь было-то?

– Голоса... – ответила Люба, против воли виновато на него глядя. Они прошли по музею. Олег, как и Люба за полчаса до этого, заглядывал везде – под шкафы, под столы и стулья. Но ничего необычного не нашел.

– Так, может, радио откуда слышно? – предположил Олег. Сам же он при этом почему-то теперь смотрел только на Любу, в упор. Глаза у него были такие, что у Любы загорелись уши.

– Слушай... – вдруг понизив голос, сказал Олег. – А что это ты мне говорила?

– Когда? – пересохшими губами спросила Люба.

– Ну, вот... тогда... перед тем, как чудиться тебе начало...

– Да ничего мне не чудилось... – ответила Люба, инстинктивно пытаясь увести разговор в сторону. Глаза ее были испуганные, но по лицу блуждала улыбка.

Олег придвинулся к ней вплотную и тихо спросил:

– Это правда?

– Что? – одними губами спросила она, пытаясь отодвинуться.

– Сама знаешь... – сказал он. – Повтори.

– Что?

– Повтори...

Люба замерла. Голова у нее кружилась. Она прижалась к

Олегу вплотную и прошептала в самое ухо:

– Люблю...

Он обнял ее. Руки его сноровисто залезли под кофточку. Люба уже не соображала ничего. Олег поцеловал ее, она ответила. Он потащил ее за руку в зал, где был райкомовский стол.

– Подожди... – спохватилась она, вырвала руку и побежала – закрывать дверь. Поле этого она выключила в музее свет.

Он подождал ее, потом они снова начали целоваться, и она, то ли теряя голову, а то ли перед самой собой делая вид, что теряет, дала увести себя в зал с райкомовским столом. Там Олег быстро раздел ее, да и она сама ему помогала.

– Иди ко мне... – бормотал Олег.

– Подожди... Подожди... – бормотала она. – А ты мне скажи, ты же не сказал.

Он приостановился, внимательно на нее глянул и вдруг серьезно проговорил:

– Люблю. Одну тебя люблю со школы, все ждал, пока подрастешь, парней от тебя отваживал. Парни-то хоть дураки, а хорошую девчонку нутром чувствуют, но я к тебе никого не подпускал.

Голову Любы заволокло туманом. Она снова слышала какие-то голоса, но ей было уже все равно. Она и не видела, как Олег заоглядывался удивленно.

«И впрямь бормочет кто-то... – подумал он, – неужто ра-

дио?». Из соседнего зала шел какой-то свет. Олег подумал – может включился телевизор, хотя помнил, что телевизора в том зале вроде бы не было. Он хотел было посмотреть, что же там, но Люба помутневшими глазами глядела на него, почти голая, светясь всем своим телом в зимнем полусумраке кабинета, на полировке райкомовского стола. У Олега перехватило дыхание и он снова начал ее целовать...

15 декабря, в четверг, Филипп поехал в гости к Каменевым. Позвонил Андрей и позвал, а Филипп и рад был, что можно уехать из дома – уж больно тяжело было в последнее время общаться ему с Маргаритой (она то и дело заводила разговоры о новой квартире, об ипотеке, а официальная зарплата в их доме была только у Филиппа, да и от той после всех выплат оставались рожки да ножки).

Каменев попросил захватить с собой книжку.

– Армейские друзья приехали, хочу тобой похвастаться! – объяснил Андрей.

– Представь, они откуда-то про тебя и твою книжку знают, сами меня про тебя спросили. Так что слава уже пошла. А раз слава есть, так и заработаешь!

Филипп недоверчиво хмыкнул про себя, но себе врать не мог – было приятно.

Заехал после работы домой, взял штук пять книжек и поехал, радуясь тому, что Маргарита не спросила ни о чем.

Каменевы жили в одном доме, на одной площадке, занимая своими двумя квартирами весь этаж этой элитки. Маргарита не могла спокойно видеть эти квартиры, что у Семёна, что у Андрея, и если они с Филиппом ходили к Каменевым вместе, то дома Филиппа неизменно ждал скандал. Особо выводила Маргариту из себя застекленная лоджия в

квартире у Андрея, в которой он оборудовал себе кабинет – небольшой, технологичный и очень уютный, да еще и с обалденным видом на окрестности с высоты одиннадцатого этажа – поверх города, до самой реки. Ни шкуры зебр и антилоп у Семена, ни камины и гигантское вертикальное зеркало в ванной у Андрея, не выводили Маргариту из себя так, как этот крошечный кабинет. Как-то раз Филипп предложил Маргарите в шутку застеклить их балкон и устроить ей там рабочее место. Он сам оторопел от того, какую это вызывало истерику. С тех пор он про балкон разговоров не заводил и к Андрею старался ходить один.

Пройдя мимо жабообразного консьержа, поднявшись на лифте, нажав на звонок и дождавшись, пока откроется дверь, Филипп шагнул за порог и попал на разудалый праздник, почти День ВДВ. Это он понял сразу, как только увидел, что на Андрее тельняшка и черный берет.

– Братаны приехали! – закричал ему Каменев. – Братаны! Мы вместе в Чечне кровь проливали, штурмовали этот хренов Совет министров! Заходи, познакомлю.

В большом зале, где Каменевы обычно задавали званые обеды и праздники, был кое-как накрыт огромный стол – гости, как понял Филипп, приехали неожиданно. Он порадовался, что прихватил кое-какие продукты с работы, отдал пакет домработнице Андрея Каменева (его жена при полном параде, в макияже и в золоте сидела во главе стола), и сел.

– А вот это и есть наш Филипп! – торжественно объявил

Андрей Каменев. – Известный российский писатель Филипп Третьяков! Автор нашумевшего бестселлера! Я правильно говорю по-русски?

– Бест! Бестселлера! – прокричал ему Семен с другого края стола. Филипп вдруг увидел, что с Семеном рядом не его жена, а какая-то незнакомая женщина лет двадцати пяти. Женщина эта внимательно смотрела на Филиппа странным непонимаемым взглядом. Филипп удивился – чего вдруг.

Женщина привстала и протянула ему руку.

– Жанна Миронова... – сказала она.

– Филипп Третьяков... – ответил он, несильно пожимая длинные прохладные пальцы.

– А вот это, знакомься, Филипп, наши братишки! – прокричал Андрей, указывая на двоих мужчин, тоже в черных беретах, хоть и в гражданке. – Громы – Яша и Ваня.

Громы были разного возраста – Яков явно старше – но все равно какие-то одинаковые: шкафообразные, гибкие, с быстрыми глазами. Они протянули Филиппу руки и он пожал их. Пожатия были слабые – Филипп еще по Каменевым, особенно по старшему из них, знал, что так, осторожно, жмут руку очень сильные люди – боятся нечаянно раздавить.

– За знакомство! – провозгласил Андрей Каменев. Выпили по первой. Филипп почувствовал, что водка не согрела его и выжидательно посмотрел на Семена. Тот понял его взгляд и прокричал:

– Между первой и второй!..

– ... Пуля не должна пролететь! – закончил фразу один из Громовых, Филипп так и не разобрал, который. Только после второй рюмки, когда тепло потекло по жилам, отвалившись на спинку стула, Филипп расслабился и оглянулся, чувствуя на себе чей-то взгляд. Оказалось, та женщина по-прежнему смотрит на него.

«Будто царапает...» – подумал вдруг Третьяков. Жанна вдруг встала из-за стола и обойдя его, подошла к Филиппу.

– У вас свободно? – спросила она.

– Да, садитесь... – ответил он. Краем глаза он заметил досаду Семена, который обхаживал Жанну, эта досада была ему приятна.

– Ребята рассказали, что вы написали какую-то удивительную книжку... – проговорила Жанна, с интересом на него глядя.

– Ну... – протянул Филипп. – Кому интересная, кому нет. Штук двадцать всего продалось через магазин. Подарить вам?

– Буду рада.

Он достал книжку из пакета и подал ей.

– А надпись? – хитро спросила она.

Он хмыкнул – никак не мог привыкнуть к этим автографам, к необходимости придумывать каждому что-то свое. Открыл книжку, на короткое время задумался, потом написал: «Жанне Мироновой – от автора. В канун Нового года – с пожеланиями прожить новую жизнь!».

Когда она прочитала надпись, глаза ее странно блеснули, но Филипп почти сразу об этом забыл.

У Жанны было фарфоровое, светящееся изнутри, лицо с правильными чертами. Все – уши, нос, губы, – было словно рассчитано специально для этого лица. Она заметила, что он внимательно ее разглядывает и откинулась на стуле, давая рассмотреть себя получше.

– Ну как? – с усмешкой спросила она.

– Я ослеп... – развел руками Филипп.

Было видно, что она довольна.

– А про что ваша книжка? – спросила вдруг она.

– Ну... – он попытался собраться с мыслями, но еще секунду назад они были так далеки от книжки и от судеб человечества, что это было нелегко. – Ну... Я просто подумал: вдруг наши предки были не дурнее нас? Посмотрел с этой точки зрения на прошлое и увидел очень много тому подтверждений.

– Каких? – с любопытством спросила она.

– А вот читайте книжку – я там все написал... – ответил он.

– Непременно прочту. Но все же – каких подтверждений? – спросила Жанна.

– Ну вот есть, например, в Индии столб из чистого железа. Ему 1600 лет. Наши стройки через пятьдесят лет начинают разваливаться – металл устал, – а этот столб до сих пор не ржавеет. Хотя сделан из чистого железа и по всем прикидкам

давно должен бы рассыпаться в пыль.

– А еще? – с интересом спросила его Жанна.

Филипп оглянулся – Каменевы и Громы галдели о чем-то своем, морпеховском, явно вспоминали Чечню. Филипп хмыкнул, повернулся к Жанне и спросил:

– Так это вы что ли мой неизвестный читатель? Громым-то явно моя книжка побоку...

Какая-то тень пробежала по лицу Жанны, и тут же пропала.

– В интернете налетела на вашу книжку, а тут Яков говорит – поехали с нами на родину новый год встречать. Я думаю – почему нет? – ответила Жанна.

Филипп подумал – где Жанна и где Яков Громов, при всем его обаянии – простой солдафон? Но тут же подумал – любовь зла, да и какое ему, Филиппу, до этого дело?

– Так что еще? – спросила Жанна.

Филипп удивился – настойчивая. Но ответил:

– В 1925 году под Москвой в пласте каменного угля нашли окаменевший человеческий мозг.

– И что? – спросила она.

– А то, что угольный пласт относился к тем временам, когда не то что человека – динозавров на земле еще не было. Если, конечно, придерживаться нынешнего, официально признанного, взгляда на историю.

– А вы, как я понимаю, придерживаетесь какого-то другого взгляда? – спросила Жанна, внимательно глядя ему пря-

мо в глаза.

– Я просто складываю два и два, и если получается четыре, я принимаю ответ... – сказал Филипп, вспомнив недавно сказанные слова Фомина.

Жанна хмыкнула.

– И в чем же этот ваш ответ состоит?

– Да все просто... – пожал плечами Филипп. – Мы на земле не одни и не первые. Были люди и до нас.

– Ну, с этим-то никто и не спорит... – сказала Жанна.

– Да, не спорит... – согласился Филипп. – Но обычно неандертальцев, кроманьонцев, древних египтян, греков и римлян рассматривают как часть общей последовательности, ступени одной лестницы, которая ведет к вершине – к нам.

– А вы как рассматриваете? – поинтересовалась Жанна.

– А я считаю, что лестниц могло быть несколько. И некоторые могли быть и побольше нашей. И вовсе не обязательно те же древние греки и египтяне – звенья одной с нами цепи.

– Хм... – Жанна задумалась, потом засмеялась и сказала: – Без бутылки не поймешь...

Филипп кивнул – понял, потянулся за бутылкой – это оказалось вино – налил и они выпили, отдельно ото всех. Громы и Каменевы шумели о чем-то своем. Филиппу казалось все же, что один из Громовых время от времени косится на него. Филипп с некоторым беспокойством подумал – не его ли подруга эта Жанна? Не поедет ведь такая женщина абы

с кем в такую даль. «А с другой стороны – она спросила, я ответил, что тут такого?» – подумал Филипп.

– Ну ладно, лестниц было несколько и другие по ним могли забраться повыше нас... – напомнила Жанна.

– Вот именно! – подхватил Филипп. – Мы держим тех же египтян за дураков, мол, ездили они в телегах на лошадях. Но египетская цивилизация была пять тысяч лет, а наша – только две тысячи, и мы уже ездим вон на каких авто.

– То есть, вы хотите сказать, все уже было – и самолеты, и ракеты, и машины?

– с любопытством спросила Жанна.

– Да, все уже было! – кивнул Филипп.

– Но тогда куда же все делось? – поддела его Жанна с таким видом, будто поставила мат.

Филипп, однако, только вздохнул. Этим аргументом его пытались опровергнуть многие, и он уже давно даже не смешил Филиппа.

– Понимаете, Жанна... – начал Филипп. – На высших этапах развития цивилизация не оставляет следов – ни предметов, ни информации. Вот даже сейчас: машины, самолеты, компы, телефоны и прочие вещи изготавливаются из материалов, рассчитанных на быструю утилизацию. Проще говоря, чтобы, когда сломается, через год-два само превратилось в пыль. Иначе лет за сто мы превратим землю в одну большую свалку.

– Ишь ты... – Жанна откинулась на стуле. – Это довод. –

Но тут мысль мелькнула в ее глазах: – Ну а железобетон?

Куда делось все, что построили прежние цивилизации?

– Американцы в 2008 году выпустили фильм «Жизнь после людей». По их расчетам, если человечество вдруг едино- временно исчезнет, то уже через сто лет обрушится и Биг- Бен, и самые знаменитые и прочные мосты и здания. Через триста лет то, что останется от человечества, вряд ли можно будет отличить от других камней и холмов. И эти расчеты сделаны без учета разных пыльных бурь, ураганов, и других катаклизмов, которые шутя меняют лицо мира даже сейчас.

Жанна задумалась. Филипп смотрел на нее молча.

– В этом и есть ваше открытие? В том, что мы не первые? – спросила, наконец, она. – Но что же тогда из этого всего следует?

– Не знаю, открытие ли это – то, что мы не первые... – проговорил Филипп. – Да и не это для меня главное.

– А что?

– А вот тут читайте... – он открыл книжку, нашел главу «Аликуам эрат» и подал Жанне.

– Ого! – сказала она. – По каковски это?

– По латыни... – ответил он. – Али-куам эрат – носитель информации. Я предположил, что предки должны были захотеть оставить своим потомкам пламенный привет...

Он хотел продолжать, но тут кто-то откуда-то сбоку закричал:

– Ну хватит, Филя, совсем ты нашу гостью заговорил!

Филипп, страхивая с себя остатки умной беседы, оглянулся – это был Семен Каменев. Глаза его блеснули пьяно и зло. «Ревнует...» – не без удовольствия подумал Филипп.

– Жанна Вадимовна, вы не обращайте внимания, Филя наш как что придумает, так хоть стой, хоть падай! – кричал Семен. Однако Жанна не поднимала от книжки головы. Филипп усмехнулся. Ему еще приятно стало от того, что ему Жанна представилась без отчества.

Один из Громовых схватил Семена за плечо и сделал пальцами знак – молчи. Семен, хоть и перекосило его, сделал в ответ выражение лица «Все – молчу, молчу», и отошел. Но тут в коридоре из кухни послышался шум. В комнату, с огромным противнем в руках, вошел темноволосый и смуглый старичок. Филипп знал его – это был Оскар Осинцев, сосед Каменевых, то ли сверху, то ли снизу, а то ли через стенку. Чем Осинцев зарабатывал себе на жизнь, Филипп не знал (и не он один). Зато всем было известно, что Осинцев виртуозный повар и в особо торжественных случаях Каменевы упрасивали его что-нибудь приготовить.

– Утка по-пекински! – провозгласил Осинцев.

– Дичь! – тут же закричал основательно захмелевший Семен. – Федя – дичь!

Андрей Каменев только всплеснул руками.

– Оскар Иванович, ну я же говорил – без размаха, скромно... – проговорил он.

– Неудобно же так вас утруждать...

– Без размаха – это ты будешь себе яичницу жарить! – назидательно ответил старик, ожидая, пока на столе разгребут посуду и освободят под противень место. – Или ты думал, я тебе картошки сварю и открою банку селедки?

Все засмеялись, и Осинцев засмеялся. Но Филипп заметил, что глаза у старика при этом грустные. «Чего это он?» – удивился Филипп, но особо задумываться над этим было некогда: из серванта уже доставали посуду, раздавали тарелки, Каменевы снова наливали, то и дело громко спрашивая «У всех налито?! Налито у всех?!».

Выпили под дичь. Потом – еще. Филипп чувствовал, что голова тяжелеет. Он заметил, что Жанна отложила книжку, и это расстроило его. Все бурно хвалили повара, Осинцев только кивал в ответ, глаза его, показалось Филиппу, делались все тоскливее. Андрей Каменев принес гитару, и они вместе с Громовыми запели про Чечню.

– Вот скажи, Филя, как ты встретил новый 1995 год? – Семен Каменев опять перебрался со своего края стола к сидевшим рядом Филиппу и Жанне.

– Да я разве помню? – пожал плечами Филипп. – В общаге скорее всего, с ребятами и девушками.

– В общаге... – Семен пьяно помотал головой и захохотал. – В общаге! Слышь, Андрей, в общаге!

Тут он наклонился к Филиппу и Жанне почти вплотную и тихо сказал:

– А Рождество? Где ты встретил в 95-м Рождество Госпо-

да нашего Иисуса Христа?

– Ну это уж я точно не помню... – ответил Филипп, удивляясь – первый раз видел Семена таким пьяным. – Не отмечали мы тогда Рождества.

– Да и мы не отмечали... – хохотнул Семен. – А кто-то вот решил отметить. Да ведь, Андрюха? Да?

– Чего тебе? – недовольно спросил со своей стороны стола Андрей.

– Помнишь 7 января 1995 года? – спросил его Семен. – Все помнят?!

– Да уж... – сказал один из Громовых, что постарше (Яков – вспомнил Третьяков).

– А что было, мальчики, расскажите... – проговорила Жанна.

– А нас, Жанна Вадимовна, в этот день подняли по тревоге и двинули в Чечню! – ответил Яков Громов.

– И уже через несколько дней мы брали вокзал... – торжественно сказал Семен Каменев. – Все помнят?

Филипп почувствовал себя неуютно – Семен смотрел на него свысока, да и остальные косились на него как-то так, будто он сбежал из боя, оставив кого-то погибать. Филипп удивился – с чего это Семена и Якова разнесло на воспоминания, никогда с ними такого не было. Но тут же ответил себе, что, видать, из-за однополчан. «А Семен еще и перед Жанной хвост распустил...» – подумал вдруг он и понял – угадал. Жанна при этом вела себя так, будто фронтовые вос-

поминания захватили ее. «Ишь, курица... – недовольно подумал Филипп. – Уже переметнулась!»). Ему стало обидно, он налил себе полстакана водки и выпил, надеясь, что так будет легче переждать фронтовые были Семена.

– За ребят! За ребят надо выпить! – проговорил тяжело Семен и встал. Встали и остальные. Жанна потянулась было своей рюмкой к другим, но Андрей Каменев предупредительно сказал:

– Не чокаясь!

Все выпили. Мужики поморщились и не закусили. Сели. За столом настала тишина.

– Ну, ладно... – мотнул головой Семен, взявший, видимо, на себя обязанности тамады. – Выпили за мертвых, надо бы выпить и за живых, а?

Он оглянулся на Громовых и провозгласил:

– За спецназ ГРУ!

– Тише, тише, Сема... – поморщился Яков. – Чего ты на весь дом? Тебя сейчас уже консьерж услышит...

– А чего? – удивился, скорчив пьяную гримасу, Семен. – Я не думал, что это военная тайна. Да и здесь все свои. Кстати, Иван, а какими все-таки судьбами? Какими ветром-то вас к нам?!

– Попутным, Сема! Попутным! – хохоча, ответил Яков Громов.

«А ведь так и не сказал, чего приехал...» – машинально отметил Оскар Осинцев, тихо сидевший в уголке. Забытый всеми, он грустно смотрел на начинавшийся балаган. «Если Сема напьется, каюк застолю... – подумал он. – А когда Сема не напивался? Всегда напивался»... Ему не было жаль неоцененной утки – он не ради похвал стоял несколько часов у плиты: ему просто надо было отвлечься.

Оскару Осинцеву в наступавшем году должно было стукнуть шестьдесят. Родился он 1 апреля и сам говорил, что это единственный смешной факт его биографии. Правда, больше про свою биографию старался не говорить – она и правда была невеселая. Мать оставила его в роддоме. По тем временам – пятидесятые-годы – это было чудовищное дело, далеко за пределами добра и зла. В детском доме, когда Оскар повзрослел, нянечки, сочувствовавшие ему и любившие его все же больше других (брошенный тогда он был один на весь детдом – другие дети, особенно по малолетству, смотрели на него со страхом, как на зверька), рассказали ему, что мама была слишком юная, а папа – слишком большой начальник, намного старше, да к тому же – женат. Еще повзрослев, Оскар понял эту геометрию: соблазнил мужик девчонку, а про презервативы кто тогда думал? Вот и все катеты с гипотенузами.

Имя ему дали в доме малютки и он так и не знал – почему, откуда вдруг такая странная фантазия? С отчеством же решили не мудрить – оно было Иванович. Он долго не мог понять, какой смысл в его «деревянной» фамилии, но когда уже при выпуске из детдома по страшному секрету ему сказали фамилию его отца – Березов – понял: в фамилии был намек.

Отца хотел найти. Очень хотел. Придти, сказать ему: «Ну, здравствуй, папаша». Для чего он хотел объявиться, и сам толком не знал. Ради денег? Они были у него – сразу после детдома пошел в ПТУ, потом – на завод, а там платили хорошо. Ради любви? Но на какую такую любовь мог он рассчитывать, если отец ни разу не пришел в детдом, ни разу яблока не передал, хоть бы через чужих людей...

За всеми этими мыслями шла жизнь. Когда он спохватился и начал все же искать, оказалось, что большой партийный начальник Березов давно уже уехал в Москву.

К людям он относился без уважения: если уж предали отец с матерью, так чего же ждать от других? К тому же, жена – по молодости он был женат – изменила ему через полгода после свадьбы. Он не стал разбираться, как да почему, развелся и с тех пор жил один, не веря уже никому совсем. Сам добра не ждал ни от кого, и себя не считал обязанным кому-то делать добро. Вот разве что с Каменевыми сошелся, но, думал сам, это так, по-соседски, надо же с кем-то проводить вечера.

Осинцев закончил заочно институт, и на том же заводе устроился счетоводом, собираясь на этой немудреной должности спокойно дожидаться пенсии. Но тут вышла перестройка. Счетоводы стали не нужны, а к нынешней бухгалтерии Осинцев испытывал брезгливость и опаску. На заводе его все же знали и не бросили – он был теперь инженер по технике безопасности. Однако завод дышал на ладан и Осинцев знал, что его должность в перечне на сокращение первая. Эта мысль уже больше месяца отравляла ему жизнь. «И ведь до пенсии еще пять лет где-то надо протянуть... – с тоской думал он. – Хорошо этим воякам – 20 лет службы, и пенсионер! А на войне день за три! Здоровенные лбы, Семе вон сорока лет нет, а уже на пенсии, горя не знает».

Прежде он так не думал – наоборот, поддевал Каменевых их ранним пенсионерством, советовал купить сопочки и подбирать за собой песочек. И к перспективе остаться без работы, а то и без пенсии еще недавно он относился с пренебрежением – ну и что? Деньги и без нее были у Осинцева в руках, в прямом смысле – с детских лет Осинцев был картежник. В их детском доме к картам детвора приучалась раньше, чем к курению. И крепче – курить Осинцев несколько лет назад бросил, а вот играть – и не думал.

Карты были его ремеслом и гордостью. В детстве и юности он освоил дворовые игры – ази, бура – и уже тогда неплохо с них жил. Потом – игры интеллигентные: покер и преферанс, шик советской интеллигенции. С простыми людьми играл по

копеечке, с непростыми – на тысячи. Со своим умением он был везде избранный, и лишь в некоторых компаниях, очень и очень редко – равный среди равных. В конце семидесятых он с друзьями шутя раздавал целые города, летом специально ездил играть на всесоюзные курорты. Для успеха существовала технология – в новый город Оскар и его команда приезжали с коробкой загодя купленных карт. Колоды эти раздавали в местные киоски «Союзпечати», и примерно через неделю когда народ эти колоды раскупал, объявляли игру. Хитрость была в том, что карты печатали на фабриках и не слишком аккуратничали. Одну смену печатают, допустим, десятку пик, а в другую смену настраивают станок под, допустим, валет бубей. Рубашка же – обратная сторона картежного листа – возьми и сдвинься. Лучше всего это видно было по уголкам. Оскар и его друзья выучивали рубашки на всей колоде. После этого он мог в прямом смысле «читать» чужие карты.

Сейчас, краем уха слушая военные истории, он усмехался про себя: «Совет министров... Ишь ты... Да если у тебя автомат и ты имеешь полное право крошить всех, кто встал у тебя на пути, чего не воевать? А вот ты обыграй главных картежников города тысяч на двадцать советскими деньгами, на две «Волги», и попробуй с этими деньгами уйти от пистолетов и от ножей». Иногда, под настроение, он рассказывал кое-что из этой своей биографии, но мало, вскользь, так, что при всей своей огромной силе воле и смелости (в дет-

ском доме на спор ходил по краю крыши), при всей властности и хамоватости, среди знавших его людей слыл человеком безобидным, без претензий, кандидатом в божьи одуванчики. Скрытности и сдержанности выучили его карты: никто и предположить не мог, что именно карты являются главной частью, смыслом его жизни.

Руки он берег, как музыкант. Ежедневно по два часа проделывал целый ряд упражнений с картами. И вот недавно руки стали его подводить: два месяца назад в одном из своих упражнений он сбился. Начал повторять – сбился в другом. Тогда это не сильно его испугало – бывает. Но потом он заметил, что в руках уже нет той гибкости и скорости. Сдавали не только руки – голова тоже не поспевала за нуждами игры. Он знал, что невозможно на высоком уровне играть всю жизнь, знал, что когда-то и ему уходить на его картежную пенсию, но не думал, что это будет именно сейчас – когда расходов так много, а доходов почти нет.

«Что же теперь – в повара? – насмешничал он теперь сам над собой, как всю жизнь насмешничал над другими. – Вон как нахваливают. Поди возьмут уж меня куда-нибудь хоть чебуреки стряпать»... Однако в этих насмешках смешного было мало.

На днях в городе предстояла большая игра, планировавшаяся еще с лета. Тогда Осинцев был в форме, и в расчете на эту игру, на выигрыш от нее, много потратил из имевшихся у него денег. Сейчас выходило – потратил на чепуху, но тогда

думал – не беда, выиграю еще!.. Сейчас Осинцев с тревогой думал – выиграет ли? Денег у него оставалось только-только на необходимый взнос. Игроки же, знал он, приедут со всей России, среди них много молодых и наглых. «Играть нельзя и не играть нельзя... – с тоской думал Осинцев. – Или сыграть все-таки можно?» Он пошевелил пальцами и посмотрел на свои руки. Руки как руки. Он вздохнул. «Вот это проблемы... – подумал он, глядя на споривших о чем-то Каменевых и Громовых. – А вы говорите – Совет министров»...

Филипп чувствовал, что набрался основательно, так, как не набирался уже давно. Предчувствие домашнего скандала томило душу. Однако не придти домой ночевать было еще хуже. К тому же, следующий день был пятница – какой-никакой, а рабочий. Он тяжело вздохнул и начал выбираться из-за стола.

– Вы домой? – услышал он рядом женский голос. Он оглянулся – это была Жанна.

– Давайте я поеду с вами, до гостиницы... – сказала она. – У Громовых вон вечер воспоминаний все никак не закончится, а я одна в чужом городе все же боюсь...

– Да в общем-то наш город мирный...

– проговорил Филипп, прислушиваясь, как получаются у него шипящие и буква «р». Вроде получались. «Да я не так уж пьян!» – обрадованно подумал он.

Когда они встали из-за стола, все традиционно закричали: «Вы это куда? Не отпустим!», и некоторое время и правда делали вид, что не отпустят. Потом церемония прощания перешла к следующей стадии: на посошок. Филипп знал, что за посошком может быть много чего и, всячески отнекиваясь, прорвался в прихожую. Туда же вышел Осинцев, и, чуть задержавшись, Жанна. Каменевы и Громовы, гремя стульями, выбрались следом и теперь выстроились в прихожей.

– Филипп, совсем забыл! – прокричал вдруг Андрей Каменев. – К нам в магазин приходил мужик, спрашивал тебя. Говорит, книжку прочитал и хочет познакомиться...

– Ого... – ответил Филипп. – Слава, популярность...

– Телефон, где же его телефон... – заговорил Андрей, хлопая себя по карманам джинсов. – А! – махнул он рукой. – Утром! Утром!

Поцелуи, объятия, похлопывания по плечам и спинам – после соблюдения всего ритуала Филипп, Жанна и Осинцев вышли, наконец, на площадку. Семен напоследок что-то пьяно прокричал, но дверь уже закрылась и сказанное так и осталось тайной.

– Ну, мне всего на этаж выше, так что спокойной ночи, молодые люди... – церемонно сказал Осинцев и пошел по лестнице наверх.

Жанна и Филипп, оказавшись на улице, сначала не могли придти в себя от хлынувшего на них воздуха, казавшегося после квартиры, пьяной и прокуренной, необычайно чистым.

– Какой вы... – улыбаясь, сказала Жанна. Филипп понял, о чем она – и пуховик, и шапка-ушанка были ярко-желтого канареечного цвета.

– Каменевы, особенно Семен, зовут меня за это цыпленком... – усмехнулся он. – Но мне пуховик нравится.

– Вы на машине? – спросила Жанна.

– Если говорить вообще, то – да... – ответил Филипп. –

Но в данном конкретном случае лучше такси.

Они пошли туда, где обычно стояли такси. По дороге выяснилось, что гостиница, где устроилась Жанна, не так уж и далеко. Решили идти пешком – благо, было не холодно. Шли и молчали. Филипп думал начать разговор, но не мог собраться с мыслями. Да и просто идти было хорошо.

– Итак, вы предположили, что предки должны захотеть оставить своим потомкам пламенный привет... – вдруг сказала Жанна.

– Что? – поразился Филипп.

– Ну, это были ваши последние слова перед тем, как принесли утку по-пекински и Семен Каменев стал выяснять, где же вы были в новогоднюю ночь 1995 года... – сказала она, с улыбкой на него глядя.

Краем сознания он поразился тому, как это она все запомнила, вплоть до имен. Но удержаться на этой мысли было выше его сил.

– Жанна, я не способен сейчас к умным беседам... – взмолился он.

– Вы что, даже свою книжку не помните? – удивилась она.

– Да я сейчас свои паспортные данные вспоминаю с трудом! – ответил он. – Давно так не набирался. У Каменевых обычно все чинно и благородно. Дегустация вина, легкие закуски, французский сыр. А тут как надели они свои береты и будто взбесились...

– Да уж... Бедный старик, кажется, так никто и не попро-

бывал его утку... – вспомнила Жанна про Осинцева.

– Да нет, попробовать попробовали, но никто уже не понял вкуса... – хохотнул Филипп.

– А что это за старик?

– Осинцев? Сосед. Сверху... – сказал Филипп, вспомнив, что Оскар ушел вверх. – А больше я про него и не знаю ничего толком. Он как-то не рассказывает, больше спрашивает и слушает.

– Разведчик? – засмеялась Жанна. – Собирает на вас досье?

– Ну тогда и вы разведчик... – поддел ее Филипп. – Весь вечер болтали, а я про вас ничего не знаю.

– А чего знать? – пожала плечами Жанна. – С детства спорт. Лыжи, плавание баскетбол. С детства общалась с пацанами, отсюда интерес к ножикам и даже пистолетам. Люблю одеваться. Есть такая улица в Милане – Монте-Наполеоне, лучшая улица в мире! Скоро там рождественские скидки. Люблю море, люблю загорать, но не имею возможности – кожа очень белая, сразу сгораю. А все остальное у меня, в общем-то, хорошо. Двадцать пять лет. Не замужем.

– А Громов? – спросил Филипп. Не то что интересно ему было, но надо же о чем-то спросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.